

Вера Максимова

ВСЕ ИЗВЕСТНО о нем — любимце Товстоногова, ближайшем и верном Мастеру. И то, что народный артист Советского Союза Кирилл Юрьевич Лавров не имеет профессионального актерского образования. И то, что начинал он во «вспомогательном», все постигая на ходу, в «процессе», сначала в Киевском русском театре имени Леси Украинки, потом — три великих товстоноговских десятилетия в Ленинградском, Петербургском Большом драматическом. Известно, что из Киева в Ленинград его «вывел» знаменитый режиссер Борис Хохлов, пригласив, однако, не самого Лаврова, а его даровитую и красивую жену, актрису Валентину Николаеву. Молодая супружеская пара с маленьким сыном едва успела приехать, как Хохлов умер. Новый главный — грузин в тяжелых квадратных очках, с дымящейся трубкой, в модном клетчатом пиджаке с накладными плечами и низким рокотанием в голосе Лаврова напугал, объявив труппе, что собирается ставить героико-романтический репертуар, и предупредив, что «съесть» его, как иных и многих режиссеров-предшественников в БДТ, на этот раз не удастся, ибо он — «не съедобен».

Лавров понес заявление об уходе, тем более что незадолго перед тем, сыграв юного и трогательно-го Викентьева в «Обрыве» Гончарова, получил приглашение в Театр комедии от Николая Акимов. Николаю никого не уговаривающий остаться, Товстоногов на этот раз нарушил нерушимое правило, предложив подождать один год. Через год Лавров стал Лавровым. Судьба не позволила им разминуться.

Достоинством он наделяет даже отрицательных своих персонажей — грибоедовского Молчалина или чеховского Соленого. Высокую меру вкуса он (хоть и выросший в прекрасной ленинградской семье, возле любящего отца, оригинального мыслителя, знаменитого артиста Юрия Лаврова и талантливой эстрадной труппы, красавицы — матери, но рано ушедшей из дома в другую — простую, солдатскую, офицерскую среду) воспитал в себе сам. (Что сказывается не только в костюмах, которые со свободой и элегантностью он носит на сцене и в быту, но и в манере поведения — сдержанно благородной, аристократически ровной, полной благожелательства к людям.)

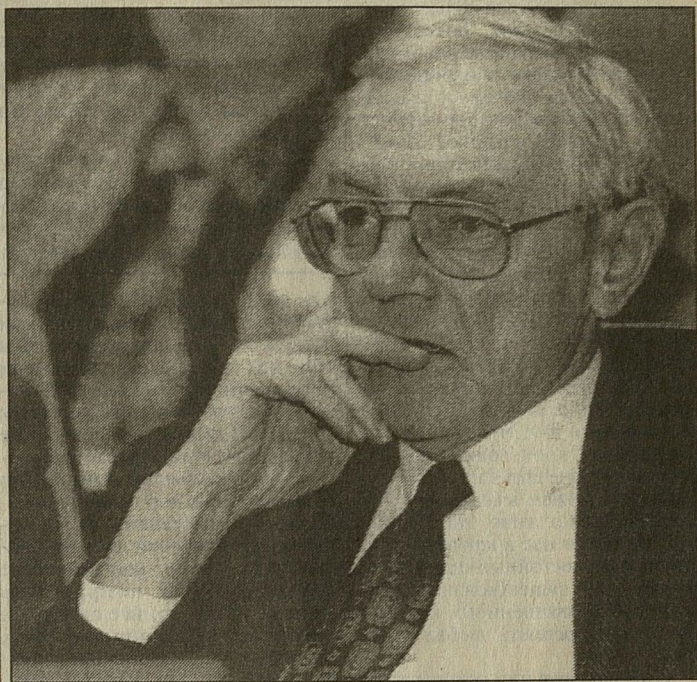
«Самый социальный актер» Ленинградского БДТ. Так говорят о Лаврове. Этот тип артиста имеется в кинематографе и едва ли не в каждом нашем театре. Самые блестящие представители его — московские Ульянов и Ефремов, с которыми Лаврова связывает (с недавно умершим Ефремовым — связывала) близкая творческая и человеческая дружба. Однако имеются и различия. Сам себе главный режиссер, десятилетиями себя создававший (как и разрушавший) Ефремов; рано, в сорок с небольшим лет потерявший вахтанговских учителей — Симонова и Захаву Ульянова — успехом, восхождением и становлением более всего обязаны собственным усилиям (и еще судьбе, случаю, удаче). Природно одаренный Лавров как фигура выдающегося масштаба — великолепное творение Товстоногова. Они — таинственной, непредсказуемой, стихийной. В нем — основательность и крепость, высокая исполнительская культура, неизменно соблюдаемый «класс», уровень игры, тщательность художественной проработки, а главное — широкая диапа-

груз современного репертуара, который тщательно собирал, стараясь держать «планку» высоко, Товстоногов. Бывшего спортсмена, неудачливого чемпиона Кима в поздней розовой пьесе «С вечера до полудня» (постановка даже не Товстоногова-старшего, а Товстоногова-младшего, Александра) невозможно забыть и сегодня — так мучился, бушевал, превозмогал себя этот несчастливый, но прекрасный и честный, при всей скромности положения — большой, а не ничтожный человек.

В его молчаливом капитане второго ранга Платонове из морской пьесы Александра Штейна «Океан» оживала неисчезнувшая лю-

боледа лермонтовская драма отверженности, мука изгойства. Мир духовных, благородных, красивых людей оказывался недоступен. «Барону было можно», а ему, Солонину, нельзя. Комплекс неполноценности, нестерпимая обида отверженного, вульгарная зависть к допущенным и избранным, в обыкновенном, заулыбавшемся человеке рождала чудовище. Но боль, но страдание, но любовь к Ирине были подлинными.

В Городничем — Лаврове чувствовался надрыв ужаса перед Возмездием. Первая легендарная го-голевская фраза: «Я пригласил вас, господа...» — звучала почти рыданием. Катастрофа унижен-

Кирилл Юрьевич Лавров. Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

К 75-летию Кирилла Лаврова НАСЛЕДНИК

Так и слышится низкий голос Георгия Александровича, который называл Лаврова «Кира» и на «вы» — ласково, уважительно и любяще.

А любоваться было чем. Необоримым и властным обаянием, шармом мужественности, чувственности, столь редкой на «вегетарианской», под многими запретами советской сцене; славянской курносой красотой улыбки, равной которой не было, прищуром ярких серых глаз, мускулистой, легкой статью, ладностью, стройностью теннисиста-спортсмена.

Девять лет армии, технической службы в авиации на Дальнем Востоке, на Курилах были за плечами стремительно поднимавшегося к славе, наградам и ролям актера. Армия, от которой он никог-

да не отрекался, которую молча, как и все самое важное в жизни, любил, которую никогда не обличал, не клеймил (разве что — пронзительно жалел в нынешнем трагическом ее положении) — оставалась, продолжала жить в нем. Давно ставший актером из актеров, человеком компромиссной, чреватой унижением и искательством, жестоким соперничеством профессии, в меру честолюбивый, скрытный, упорный, когда нужно — дипломатичный, безмерно трудолюбивый, как все «птенцы» гнезда Товстоногова, — Лавров не усвоил ничего специфически актерского. Армейские немногословие и закрытость, чувство долга, верность данному слову, четкость и дисциплина отличают его. Во времена больших соблазнов, легко доступных знаменитостям высочайших «благ», тотальной, до зуда и жара в ладонях «дачи» (как говаривал о светлейшем попросайке и взяточнике Алексашке Меншикове автор «Восковой персоны» Юрий Тынянов); в «эпоху» всемерно поощряемого властью сближения с художественной интеллигенцией невозможно представить Лаврова светским, просящим, искательным, «дружашим» на пользу себе или делу. За двенадцать лет российской смуты и словоговорения с высоких трибун, он, слава Богу, не стал публичным оратором.

зона ролей, неограниченность их ни социальным срезом общества, ни историческим временем, ни национальностью. В театре и кинематографе Лавров (как и Ефремов) переиграл великое множество «обыкновенных людей». Его политрук Синцов стал в нашем сознании полпредом войны, плотью от плоти «живых и мертвых», носителем тайны нашей победы. Подобно Ульянову (в молодости азартному, мощному, живописному) в своей собственной манере детальной характерности играл Лавров «народные роли» вроде шолоховского питерского слесаря, революционного балтийского матроса Семена Давыдова в «Поднятой целине» Шолохова. Там любованье героем, восторг перед подвигом многотрудья,

быв к армии, к военным людям; была та человеческая значительность, врожденное (а не по должности) лидерство, в воплощении, показе которых Лаврову на сцене нет равных. Участвуя в постановках политических пьес в БДТ, Лавров несколько раз — и весьма достойно — сыграл Ленина.

В кино, переиграв великое множество случайных эпизодических ролей в фильмах-однодневках, он побывал и вором-рецидивистом, и жертвой гулаговских времен Алексеем Лапиным («Верьте мне, люди»), и демоном зла — композитором Пахульским («Чайковский»); был контр-адмиралом, рядовым, колхозником, государственным деятелем, многократно — современным русским интеллигентом, опять-таки

ности, окончательной раздвоенности подступающего безумия, к которому Городничий шел весь спектакль, разверзаясь в финале.

В новом Ниле — Товстоногова и Лаврова («Мещане») жила радость освобождения от липких уз мещанского дома; предвкушался канун бегства — исхода в большую жизнь. Этот Нил был умен, деятелен, здоров, душевно весел, охвачен сильной страстью к тихой Поле. Но оказывалось, что связь с «мещанами», с привычной средой оборвать непросто. Оттуда, из совместно прожитых лет, рожденное отравленным воздухом бесеменовского дома — великое презрение Нила к людям, его нищенская (или автора, Горького?) жестокость будущего революционного пролетария к слабым.

А доктор Астров Лаврова — физически полон сил, волеет красоте, с зрелой мужской страстью тянется к сонной Ундине — Елене Серебряковой, по инерции — энергичен, но человечески — кончен. Лавров едва ли не впервые в истории знаменитой чеховской роли играет совершенного чиника. Как и раздвоенному судью неврастенику дяде Ване, Астрову — красивому, талантливному, крепкому человеку, отныне предстоит одно — уход в тень, в забвение, в ничто.

Всматриваясь в эти, теперь уже давние гримы, выраженные, непохожие друг на друга, отчетливые до резкости, невольно думаешь о том, как много неверного, неточного было написано о Лаврове. Товстоногов растил и вел его как характерного артиста, в котором (по-вахтанговски) слышался отзвук трагедии. Его природные данные были богаты, обильны, разнообразны; его голос благородного тембра был слишком звучен, слишком наполнен вибрациями и обертонами, чтобы становиться Лаврову актером скромного, приглушенного, «жизненного» звучания. И «внутренним перевоплощением» (как писала критика 60-х годов) он никогда не ограничивался, хоть и не являлся «лицедеем» в полном смысле понятия.

Уже в ранних ролях Лаврова, и солнечных володинских и розовских мальчишках, в том, как празднично дурил на сцене, увлекая всех в молодое веселое действо, его Борис Прищепин («Когда цветет акация» Винникова), и в том, как легко играл словами и движениями, дразнил, мистифицировал, обращал в разум взрослых «дядю» и «тетю» — Тамару и Ильюна его Слава в «Пяти вечерах» Володиной, присутствовал театр, обилие театра. По возрасту и опыту, принадлежности своей к товстоноговскому «живому академизму» Лавров был другой, чем его московский двойник в почти тех же самых ролях Лелик Табачков, но театральное, стихия игры, талантливое и легкое при творства в молодости, безусловно, связывала их.

P.S. Сегодня видно, как устал Лавров, взваливший на себя тяжесть руководства БДТ после Товстоногова, муку постоянного сравнения с ним. Не обещая «рая», он дал осиротевшему БДТ покой, достоинство, порядок. Завтра? Или паузы перед возрождением? Покажет время.

Петербург сегодня так далеко от Москвы. Я не видела последней премьеры «Перед заходом солнца». Говорят, что Лавров играет Маттиаса Клаузена великолепно. Я рада, что видела его Пимена в странном спектакле БДТ «Борис Годунов». Знаменитый монолог рвался, распространялся на весь спектакль. Но такое счастье было, когда вопреки всему прорывался пушкинский текст, гармонично и музыкально звучал знакомый голос актера, торжествовало великое слово.

Кирилл Лавров в роли Башкирцева. Кадр из фильма «Укрощение огня».

да не отрекался, которую молча, как и все самое важное в жизни, любил, которую никогда не обличал, не клеймил (разве что — пронзительно жалел в нынешнем трагическом ее положении) — оставалась, продолжала жить в нем. Давно ставший актером из актеров, человеком компромиссной, чреватой унижением и искательством, жестоким соперничеством профессии, в меру честолюбивый, скрытный, упорный, когда нужно — дипломатичный, безмерно трудолюбивый, как все «птенцы» гнезда Товстоногова, — Лавров не усвоил ничего специфически актерского. Армейские немногословие и закрытость, чувство долга, верность данному слову, четкость и дисциплина отличают его. Во времена больших соблазнов, легко доступных знаменитостям высочайших «благ», тотальной, до зуда и жара в ладонях «дачи» (как говаривал о светлейшем попросайке и взяточнике Алексашке Меншикове автор «Восковой персоны» Юрий Тынянов); в «эпоху» всемерно поощряемого властью сближения с художественной интеллигенцией невозможно представить Лаврова светским, просящим, искательным, «дружашим» на пользу себе или делу. За двенадцать лет российской смуты и словоговорения с высоких трибун, он, слава Богу, не стал публичным оратором.

«святой» революционной веры в благо коллективизации уравнивались трезвым видением ограниченности, безграмотности Давыдова — городского человека в чужой ему казачьей среде. Незлая, но и без яда насмешка над незадачливым любовником шальной Лушки была пронизана печалью, предчувствием близкой гибели героя.

Ни Ульянов, ни Ефремов никогда не были актерами западноевропейского репертуара. Поздний, зрелый, нынешний Лавров в великолепии греха, бездушия, позднего и бесполезного раскаяния, идеально стильно и глупо жизненно, а главное — свободно, не превозмогая себя, сыграл Президента в шиллеровском «Коварстве и любви», переведя старую пьесу интриги, высокую немецкую мелодраму в жанр живой и кровотокающей трагедии. В телевизионной версии «Стака на воды» Скриба он исполнил роль любезного и умного, благородного и бесстрашного насмешника-интеллектуала лорда Болинброка с такой пластической грацией, в таких изысканных переливах интонаций, что старая Англия задыхалась с экрана, и оказались потревожены тени великих Болинброков прошлого — Николая Радица, Константина Зубова, Евгения Велихова...

Лавров в БДТ нес основную

— Лениным. Со всей силой своей мужской неотразимости, под именем нетерпимого максималиста, фаната Башкирцева создал он образ гения отечественной космонавтики Королева в этапном для себя фильме «Укрощение огня» (Чайковский); был контр-адмиралом, рядовым, колхозником, государственным деятелем, многократно — современным русским интеллигентом, опять-таки

Георгий Александрович рано распознал в Лаврове, потом и всегда высоко ценил в нем не книжный, не заемный, самобытный и глубокий ум. Пронзительная и оглушительная новизна мысли отличает и соединяет классические роли актера. Со змеиной полуулыбкой на устах, немногогласный и бесшумный, секретарь Фамусова являлся на сцену фигурой значительной, почти угрожающей. Так был неглуп, так потаенно, упорно ждал своего часа. Так верил в собственное превосходство «плебея» над природными баронами — баловнями судьбы; так насмешничал, почти издевался над влюбленным мечтателем Чацким. В его Соленом проступало не только портретное (через мастерский грим) сходство с Лермонтовым. В недалеком пехотном капитане, подтянутом офицере-строевике жила,